

ЕЛЕНА РЖЕВСКАЯ
ИЗ ФРОНТОВОЙ ТЕТРАДИ *

КАЛИНИНСКИЙ ФРОНТ. 1942 г.

Заглушенные голоса в эфире. Настраиваюсь. Треск разрядов, и опять что-то перекачивается, мерно, как морские валы, и ничего не разобрать, шелканье, разрывы.

— «Звездочка»! Я — «Ястреб». Захожу слева. Прикрой хвост! Прикрывай!

— «Звездочка»! «Звездочка»! Мне навязывают бой. Почему не прикрываешь?! В хвост мне заходят. Петя! Прикрой!

Толкаю оконные рамы, высываюсь в наушниках, ищу их в небе. Тут над нами нет их. Вдалеке что-то шныряет, не то птицы, не то самолет.

— Петя! Нависают! Не видишь, что ли? Улыниваешь, мать...

— Захожу, захожу! Вася, держись!

Водители говорят: «Бог создал небо и землю, а чёрт — калининские дороги».

По раскисшей дороге собачьи упряжки тянут на передовую мешки с сухарями в лодочках. Выбившиеся из сил собаки валяются на землю и воют. Шагающий рядом с упряжкой боец в накинутой плащ-палатке с шестом в руках командует сорванным голосом: «Вперед! Вперед!» — это единственный вид транспорта, не поддающийся мату. «Вперед!» Вожак подымается, тащит за собой упирающихся собак, они тянут груз, захлебываясь жалобным, истощенным лаем.

Над дорогой, ожесточенной, матерящейся, буксующей и ревущей моторами машин, висит сиплый призывный возглас: «Вперед! Вперед!»

Из документов убитого Карла Шеппе, ефрейтора, 1920 г. рождения. Он не успел жениться на женщине, родившей от него ребенка. Это явствует из ее писем, полных скорбных упреков. Но он собирался узаконить свои с ней отношения и запаса инструкцией для вступающих в брак, где перечислено все, что для этого требуется:

1. Опекунское разрешение на брак, если несовершеннолетний.
2. Свидетельство обеих сторон о пригодности к браку.
3. Свидетельство о несудимости.
4. Арийское происхождение обеих сторон, документально доказанное вплоть до дедушки и бабушки.
5. Свидетельство о политическом поведении невесты, о том, что она пользуется безупречной репутацией, достойна уважения, что она принадлежит к национал-соци-

* Е. М. Ржевская в годы войны была военным переводчиком в штабе 30 армии.

Е. М. РЖЕВСКАЯ

Фотография, 1942

Собрание Е. М. Ржевской, Москва

листскому государству и происходит из достойной уважения, признающей национал-социалистское государство семьи. (Это должны подтвердить три свидетеля, если возможно представитель власти сверх того.)

6. Полицейское свидетельство о поведении обеих сторон.

7. Объяснение жениха, что вести хозяйство следует бережливо.

23.2.1941 г.»

Часов с шести вечера обстреливают нашу деревню. За переборкой в нашей избе продолжается заседание сельсовета.

— ...Чтобы мимо нас не смог пройти ни один шпион и другой чужой элемент...

Снаряд со стоном проносится над крышей. По потолку к нам сюда сочится из-за переборки дым самосада. Все тот же глухой, прокуренный голос:

— ...Которые дезертиры заходят в деревни, переночуют безо всякой претензии и совершают кражи...

...Стучит, как швейная машина, маленький учебный самолет У-2. Стихнул. Выключил, значит, мотор, планирует над противником, сбросит бомбы, гранаты. Откуда? Ищи его!

Ждем. Вернется ли?

Вынырнул вдруг над головой звук, живой и резкий, — легче прежнего идти разгрузившейся машине. Пошел к себе на стоянку.

Ночная бомбардировочная авиация — маленький мирный самолет, призванный на войну.

В деревне Леоново немцы расстреляли все население за связь с партизанами (в феврале 1942 г.). Жителей загнали в землянки, где от тесноты бились, кричали и гибли дети. Потом потащили всех, кидали на снег и строчили из автоматов. Семья Сопеловых. Девочка шести лет, лицом в снег: «Холодно». Мать ладонь подложила ей под лицо. Бабушка легла на девочку и прикрыла ее своим телом. Бабушка убита первой же очередью. Брат, раненный, поднимается в полный рост. Убит. Мать ранена четырьмя пулями, но жива. Девочка под мертвой бабушкой жива, понимает, что нельзя шевельнуться, лижет матери ладонь, а мать, истекая кровью, шевелит пальцами — дает знать дочери, что та не одна. Так они лежат несколько часов.

Их спасли и спрятали у себя жители соседней деревни — парнишки и женщины, они пробрались сюда, когда стемнело.

— На лошадь погрузили, сами пешком пойдем: от пешки нет замешки.

В крайнем доме живут две девочки-ленинградки, их привезла прошлым летом к своей сестре мать, а сама вернулась в Ленинград. Девочки Тома и Лилия. Младшая Тома — толстая, ласковая. Тетка и ее сыновья трогательны с ней. Они придумали для нее песенку:

Палочка-выстукалочка,
Далеко живет наша мамочка.

Сегодня узнали — схвачен наш разведчик С.

«Немецкий переводчик глянул на него и сказал: „Этот молодчик является советским подснежником“. И первый ударил его. Тотчас оба немецких офицера цинками сшибли его на пол. Втроем они не переставали бить его ногами, не спрашивая ни о чем...» (Из донесения.)

Дежурю. Треск, разряды в эфире. Голоса. Немцы открытым текстом корректируют огонь по нашему левому флангу в районе Вырубово. «Два по квадрату семь!» — лающее, ненавистное. «Недолет!»

Поверх их команд вдруг вломился голос Тютюкова:

— Я — шестой. Я — шестой. Даю настройку! Раз-два-три-четыре... Пять-четыре-три-два... Как слышите? Отвечайте! Сучьи дети...

И мат — надсадным, сорванным голосом. Это он, очевидно, уже с батареи. Приполз под огнем, починил радию. Бесстрашный. Такого мастера нет больше в артполку.

Чья-то морзянка забивает, не дает мне разобрать, не слышу, ответили ему или нет. Кто-то рядом произносит, разделяя слова:

— Диктор Тью-тью-ков нэ куль-тур-ный диктор.

Немецкий радист подышал мне в уши и затаился.

Раненый — рука на перевязи — остановил меня, попросил свернуть ему цигарку.

— А у него немецкая «катюша» завелась — шестиствольный миномет.

По одну сторону перегородки пленные, по другую — хозяйка со своими ребятишками. На оцепе в плетеной корзине раскачивается маленький Шурка. Старший сын хозяйки Костя, облокотясь о стол, качая корзину ногой, беседует с часовым, охраняющим немцев. Теленок, сунув голову в корзину, жует тряпки, прикрывающие Шурку.

ДОСТАВКА ГРУЗОВ
НА ПЕРЕДОВУЮ

Фотография. Калининский фронт, 1942

Центральный архив кино-фото-фоно-
документов, Красногорск

А Нюрка — ей пять лет — поет весь день «Парень девушку домой провожал с гулянки-и-ах!..» Два дня назад, когда здесь не было пленных, командиры заводили в избе патефон с этой пластинкой. Нюрка звенит немецким шомполом. Двухгодовалый беспшанный паренек Минька тоже хочет играть шомполом и плачет. Костя медленно говорит Нюрке:

— Стервя, дай ему цепочку.

Время от времени с воем пролетает над крышей снаряд и падает на краю деревни. Костя стоит на коленях, локтями упирается в плетеную шуркину корзину, качается и поет:

Ай, Шурушочки,
Пошурушочки.
Ай, Шуру-шоч-ки,
Пошуру-шоч-ки.

Мотор сверлит, со стонущим металлическим подголоском. Мессер.

Чищу в сених гимнастерку. На крыльце Нюрка с соседской девчонкой беседуют. Обе слышали, что выселять из деревни будут, обсуждают вопрос о транспорте. Соседская девчонка выдвигает реальный вариант: впрягут корову в сани, на сани — зерно, а сзади привяжут теленка. Нюрка помышляет об автомобиле. Они сверстницы, обeim по пяти лет.

«Плохо заботятся о сохранении боевого коня. Отмечается резкое нарастание худоконности».

Допрашивала пленного. С печи на нас с ним смотрела бритая наголо после тифа женщина. Она сказала сидевшему в избе старику-погорельцу, указывая на меня:

— Как-никак, человек на двух языках разговаривать может, а мы и плакать-то по-русски не умеем.

Идем пригретым солнцем пыльным большаком. Поле. На обочине — светло-зеленая трава, еще не прибитая пылью. За крутым поворотом — снова поле. По зеленому полю женщины, впрягшись, тянут плуг, — десять женщин, по пять в ряд, связаны между собой веревками, веревки прикреплены к плугу. Одиннадцатая направляет плуг.

Тоска и ненависть — здесь была *оккупация*.

Сегодня пленный показал текст присяги, которую каждый солдат, стоящий тут против нас, должен был лично принести Гитлеру. Они клянутся не сойти со своих мест у Ржева.

— Фюрер сказал: отдать Ржев, значит открыть русским дорогу на Берлин.

К вечеру второго дня старик вернулся. Говорливая рыхлая старуха-погорелка, признавшая меня чуть ли не за родственницу по той причине, что три ее сына живут в Москве, подвела его ко мне. И торжественно:

— Знакомся. Наша знакомая.

Старик вытер руку о седую голову, пожал мою и сказал:

— Извиняюсь.

Он бомбил деревню, зенитчики зажгли самолет, и он выпрыгнул, приземлился на поле. Там бабы пахут. Решили: немецкий десант. Молотили его лопатами и привели к нам.

В блиндаже, куда его поместили, пахло непросушенной овчиной. Это шофера свалили здесь полущубки, они сдают их последними. Заправленный в гильзу фитиль разгорался, сильно коптя. Немец примостился на топчане.

— Сколько самолетов базируется на смоленский аэродром?

Он застонал, поскреб ладонью о доски топчана. Молчал, показывая, что пострадал и говорить ему трудно.

— Бомбил мирных жителей, не думал, что придется расплачиваться?

Сел. По грязным щекам его, в глазах с расширенными зрачками прыгало пламя копилки. Сказал хрипло: — *Ich habe meinen Spaß daran!**

Пройдут годы, люди будут знать о немецком фашизме понаслышке, изучать по книгам...

«Разводящий» — так называют у нас в части половник. «Иго-го», подражая лошадиному ржанью, — овсяную кашу. «Блондинка» — пшенная.

На лесной опушке сбились в кучу, лают, резвятся и ссорятся собаки. Но взвояет за кустами танк — и собаки замрут, нервно, настороженно. А он движется сюда — страшная громада — переваливаясь, оглушая. Собаки мучительно ждут, подрагивая. Внимание! И бросок вперед, безудержный, ликующий, — собаки мчатся под танк, под танком — мясо. Вот так же через несколько дней на поле боя, заслышав гул моторов, они помчатся под танки противника, неся смертоносный груз на спине.

* Это доставляет мне удовольствие (нем.).

Когда-нибудь после войны поставят памятник погибшим на фронте собакам — истребителям танков.

Вечером капитан в последний раз инструктировал Сашку.

— Швалью не обзаводитесь — это провал. Подберите двух-трех, ну пять головорезов, и всё.

Сашка отвечал:

— Понятно, — рукой упирался в кобуру.

Когда он вышел, капитан сказал:

— В шестой раз полетит парень. Дисциплинирован и страха не знает. Давайте, братцы, ужинать.

Я постучалась к ним в амбар. Сашка, раскуривая трубку, плечом прикрыл за мной дверь амбара. На овчине под шинелями спал больной мальчик Витя, вывезенный сегодня оттуда, куда улетал Сашка.

— Пусть будет все хорошо и возвращайтесь здоровым.

Он вытолкнул трубку изо рта, пожал мне руку:

— Иначе и не должно быть.

Когда началась война, ему было шестнадцать лет, и его настоящее имя знает только капитан.

«Разбомбленная твоя мать!»

«Управление
Охраны города
и района Смоленска
15 апреля 1942 г.
№ 8

Начальникам
волостных охран
и инспекторам колец
и Копия:
Начальнику Смоленского р-на

Предлагаю вам, помимо регистрации жидов, проживающих в ваших волостях, также вести регистрацию цыган, с указанием, в каких населенных пунктах они находятся и количество их.

Желательно составление списков цыган с указанием адреса, фамилии, имени и отчества.

Начальник управления охраны С в е р ч к о в»

Тоненький писк вырывался из аппарата, вдалеке на передовой резко застучал пулемет, за палаткой прошли сменившиеся с поста часовые, грохоча ботинками...

У КПП ждала попутную машину. Мимо меня прошла группка солдат. Обернулись:

— Стоит, стоит, бедняжка, как рекрут на часах!

В землянке. Печь давно заглохла. День пробивался в плохо прилаженные трубы.

— Иногда я выпью, если поднесут. Но я за себя отвечаю, я за рулем сижу.

— Это пороховой погреб, имей в виду.

— Это пороховой погреб, за который я отвечаю, что он не взрывается и не взорвется.

Немецкая памятка, датированная декабрем прошлого года:

«По 472 пп. Памятка о больших холодах

1. Вспомогательные средства защиты от холода.

В каску вложить фетр, носовой платок, измятую газетную бумагу или пилотку с подшлемником. Подшлемники и нарукавники временно изготовить из обмоток. Наружники также можно сделать из старых носков.

Лучше надевать две рубашки (хотя бы и тонкие), чем одну рубашку плотную (слой воздуха между отдельными тонкими рубашками — лучшая защита от холода).

Нижнюю часть живота особо защищать от холода. Прокладкой из газетной бумаги между нижней рубашкой и фуфайкой. Повязками из тряпок.

Для ног и колен: газетная бумага между кальсонами и брюками, разрез у кальсон зашить, поддеть спортивные брюки...»

Пока переводишь, живо представляешь себе их переживания: они страдают от холода, они — будь они прокляты — одушевленные.

В блиндаже завелся какой-то зверек. По вечерам он скрипит, как сапоги Епиходова из «Вишневого сада». Скребется мышь. Поблизости была деревня — она сгорела, мыши остались и отыскивали наше лесное поселение.

Но мышь попала на кусочек чикагской колбасы, что приплывает из-за морей в портативной таре и заодно с английскими ботинками называется в частях — «вторым фронтом».

Бурьян цеплялся за голенища наших сапог. Среди щепы и стружек копошились куры, меченные чернилами по перьям. Из леса тревожно тянуло прелью, так пахло когда-то, в той другой жизни, где не было войны.

На переднем крае. Немец кричит: — Иван, плати за свет! — и кидает ракету.

В РАБСТВО

Из фотографий немецких солдат. Калининский фронт, 1942

Собрание Е. М. Ржевской, Москва

ЗДЕСЬ БЫЛ РУССКИЙ ГОРОД

Из фотографий немецких солдат. Калининский фронт, 1942

Собрание Е. М. Ржевской, Москва

На левом фланге «играла» «катюша». За плетнем мирно покачивались золотые шары. Ветер гнал сюда пыль и сухие листья. Пахло гарью боя.

Немцы передали по радио сводку. Записала:

«...и сегодня утром под Ржевом враг во взаимодействии с сильными бронетанковыми частями продолжал наступательные действия с целью, как надо полагать, — отвлечь наши силы от боевого марша на юге. Точка. Сильные бои продолжаются. Точка».

Полуторку облепили деревенские девчата, толкали ее, высихивали из грязи на твердый настил. Стоял такой гомон, и так свирепо завывал мотор, что стрельба на левом фланге стала почти неслышна.

Бомбят невдалеке. Будто взяли за край земли и встряхивают, как одеяло.

Стены блиндажа обклеены газетой со статьей «В боях на юге решается судьба нашей Родины».

Бензин кончился. Машина стала, не дотянув до деревни. Мы вошли на околицу. Крайний дом. Окна занавешены тряпьем. Мерцает коптилка. Напились воды. Закурили.

Проснулся мальчонка, сбросил с себя тряпье, сел, принялся:

— Это хто тут, русь или фриц?

В избе кричало радио: на юге немцы ворвались в Майкоп и Краснодар. Майор спал за столом, облокотясь на обе руки и обхватив ими голову. Он вострепнулся, глянул помутившимися глазами, щелкнул выключате-

лем приемника и стал что-то рисовать на листочке. Он был вдрызг измочален за дни боев. Сказал: вчера в Ржеве мужчин от 16 до 70 лет стали хватать без разбора под стражу. На всех перекрестках поставлены полиция.

Выберутся ли наши разведчики?

Солнце, заваливаясь за дальний лес, выбросило косые лучи, подсветило танковое становище у нас в деревне. Танкисты волокли по улице срубленные деревца для маскировки машин.

Мне повстречалась женщина. Она шла со мной рядом, гремя висевшими на руке пустыми ведрами.

— Ох, он лупит и лупит.

Немец действительно сегодня что-то обнаглел.

— Долго такая музыка тянуться будет?

— Это вы насчет пальбы?

— Нет, насчет всей войны я. А кончится — кому понадобится? Уже года не те.

Я сказала ей, что она еще вполне ничего собой.

Она быстро скосила на меня глаза, свободной рукой поправила козынку на голове, усмехнулась:

— Да какая я хорошая — вся морщенная.

По улице шел разведчик П. Он возвращался с задания. Из-под деревенского картуза, осевшего по самые уши, — потемневшее небритое лицо. Шагает военной походочкой, выбрасывая поочередно вперед руки, а сам в облегающем пиджаке и коротких холщевых брюках.

Какое это счастье — видеть вернувшегося с задания разведчика.

Под окном прошел наш младший сержант, ведя за руку махонькую здешнюю девочку. Объяснял, наклонившись к ней, едва ли способной охватить это:

— Обувь бывает трех видов: кожаная, матерчатая и валеная.

И было наглядно насчет человеческой потребности делиться, доносить свой опыт. Отсюда, наверное, и педагогические и писательские склонности в человеке.

Тучи толкутся. Гарь за деревней над полем. Свинцовый денек сорванного наступления. Танки, выведенные из боя, вкатываются сюда, в деревню, громыхая и лязгая.

Напротив колодца — реденький кружок: бойцы и командиры. Там на коврике, раскинутом на сырой земле, молоденький акробат вертит акробатку, ломает ее пополам, перекидывает через себя. Отбежав, призывно манит рукой, и она — босыми ножками по рыжему выщербленному коврику — и к нему, к нему, и опять взлетает на воздух. На ней одни трусы да лифчик, чешуйчатые, в блестках. Москва, Москва, кого только не шлют на разгром врага. Всё для фронта!

Танки выводят из боя, и они по одному, вразброд, сотрясаясь и волоча подбитые гусеницы, вползают с размашистым лязганьем на околицу. Глушат моторы. Из башни вылезают танкисты и, переступая тяжелыми ногами, бредут к кружку.

Гуще круг. Черные, сдвинутые на брови шлемы, закопченные лица. Чей танк не вернулся, кто там догорает в трясине у городского леса — еще не сосчитано. Осев на затекшие ноги, танкисты хмуρο вперились —

маленькая акробатка, землистое тело. На коленках стоит, откинулась назад, уперлась руками в землю, приподымается — изогнулась вся. Голова запрокинута. Мостик делает, кто понимает.

Тишина гробовая. Никто не пикнет, не ухмыльнется. Только лязгают танки. Слышно: на левом фланге стреляют.

Теснее круг — подошвынулись к самому коврику, окольцевали. Мечи сюда немец хоть минометный огонь, не отступятся. Сапоги переминаются, топчут рыжий коврик. Чуется пот их работы, этих двоих на коврике. В небе «яки» прошли, беззаветно врезаясь в низкие тучи. Никто не проводил их взглядом. Неотрывно, в упор, окаменело смотрят танкисты в выгнутый живот циркачки.

Она разогнулась, покружила немного и — стоп. Поклонилась девчоночка. Циркач нагнулся и ловко скатал коврик. Похлопали. И разбрелись.

Трофейная газета «Дас шварце кор» *. Передовая: «Нашей задачей является не германизировать Восток в старом смысле этого слова, то есть привить населению немецкий язык и немецкие законы, а добиться того, чтобы на Востоке жили люди действительно немецкой, германской крови...»

На крыльце рослая женщина в клетчатой юбке — председатель колхоза — «занаряжала» своих бригадиров. Они сидели вокруг нее на ступеньках, все в платочках, завязанных под подбородком, переговариваясь:

— По косогору, где лен, немец бузует из минометов.

— Убьют, забота не наша. Убьют, так закопают.

На опушке леса никаких знаков. Нет белого флага с красным крестом. Раньше, говорят, это служило защитой. Но не в эту войну.

К дереву приколочена дощечка «Хозяйство Черняка» и стрелка, указывающая на разбухшие от грязи колени, ведущие в глубь леса. Мелькают белые халаты между стволов. В вырытой яме свалены окровавленные бинты, вата... Их забросают землей или подожгут к ночи, когда дым над лесом незаметен.

Разгружают санитарную машину.

За столом на опрокинутом ящике сидит девчонка в пилотке, косо напыленной на короткие завитки волос, пишет под диктовку доктора — маленького, опрятного, спящего среди прибывших раненых. Время от времени она поднимает от листа безмятежно ясные глаза.

Возле нее на спущенных с машины носилках лежит раненый, прикрытый по плечи шинелью. Глядит вверх на раскачивающиеся макушки деревьев. В глазах его терпеливая, смертная тоска.

Двое пленных немцев, сидевших на пороге сарая, громко заспорили. Часовой шикнул на них. Они переждали немного и опять за свое. Тогда часовой, показывая руками, велел одному из них уйти в сарай, другому оставаться на месте.

— Раз не можете по-хорошему, сидите врозь.

— Главное, не распыляться. Бить врага надо кулаком, а не растопыренными пальцами.

* «Черный корпус» (нем.).

В лесу, в медсанбате. В палатку просунулась голова.

— Разрешите с вами познакомиться. Я — ваш санитар, Третьяков по фамилии.

— А что же ты, санитар, без шапки?

— Я только что из бани — сперли!

Большой, замученный, почерневший, он не присел на бревна, как ему предложили конвоиры, стоя ждал своей участи. На изодранной в клочья грязной нательной рубашке — орден Красного Знамени. Хранил его под подкладкой в сапоге и сейчас, когда его вели с передовой, прикрепил. Единственная вещественная связь с прошлым. Летчик. Подполковник. Два месяца назад сбит над Ржевом, был в лагере военнопленных. Сегодня бежал и перешел линию фронта.

Один конвоир пошел в штаб к комиссару полка, на чьем участке объявился сегодня бежавший из плена летчик, — пусть установят его «личность», разберутся, — другой ковырял сапогом землю в стороне, стесняясь показывать, что он охраняет его.

Летчик стоял, черный от голода и щетины. На волосатой груди, едва прикрытой клочьями рубашки — кровавое пятно — орден Красного Знамени.

Разведчики доставили документы убитого фельдфебеля. Среди документов приказ командующего армией:

«Войска заинтересованы в ликвидации пожаров только тех зданий, которые должны быть использованы для стоянок воинских частей. *Всё* остальное, являющееся символом бывшего господства большевиков, в том числе и жилые здания, *должно быть уничтожено. Никакие исторические и художественные ценности на Востоке не имеют значения...*»

«Слушали в разном о том, что на территории данного с/совета появились волки, которые приносят материальный ущерб колхозам.

Постановили: обязать ночного пастуха т. Горюнова С. усилить ночную охрану, одновременно вооружить себя ружьем.

Пред. колхоза...

Члены правления...

Дуся, горемыка, приставшая к нам, кочует с нами. У нее сын остался в Ржеве, в детдоме. На ней синее платье железнодорожницы в белесых полосах, в раскрытом вороте видна сиреневая нательная рубашка, а по ней с шеи спускается веревочка с поблескивающим медным крестиком. Вчера, когда мы мылись с ней в бане, я сказала ей, что зря она тут рискует жизнью, уходила б в тыл.

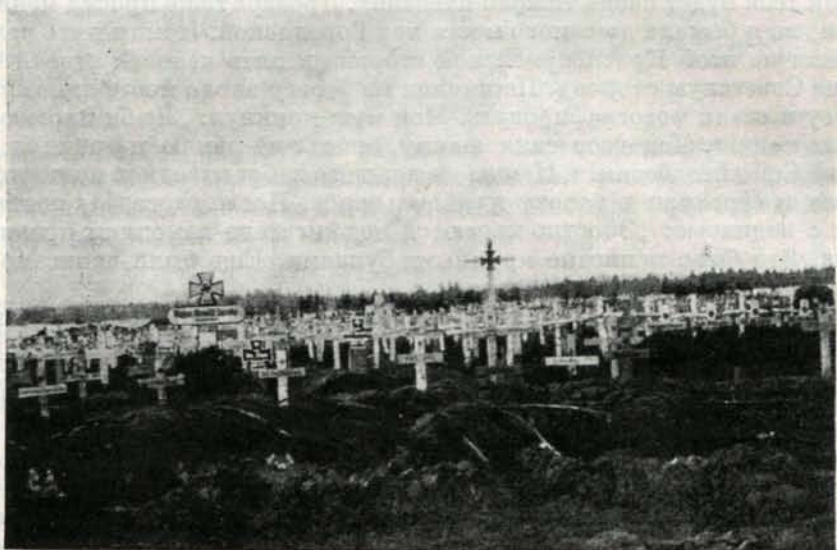
Она подскочила ко мне с мокрым, искаженным лицом, по ключицам текли струйки воды, медный крестик трясся на груди:

— Уходить? В честь чегой-то? У меня сынок есть! Во Ржеве он! В детдоме. Я еще погляжу, каким он будет...

Прошлепала мимо меня с пустой шайкой и стала наполнять ее горячей водой из чана, стоя ко мне боком — коротышка, спина гнута, ключица наружу выпирает. Сказала уже примирительно:

— Гляди сюда! — и пригнула голову. — Все волосья — косячками. Это от бомб. Как бомбят, волосья от страху обламываются.

И все ж ни в какую. Не уходит. Ей видней. Возможно, что там, в тылу, в тишине, она совсем спятит. В грохоте пальбы, под бомбами, на пожарах, она вроде бы долю держит в смертельных усилиях за Ржев.

ФАШИСТСКИЕ ОККУПАНТЫ НА СОВЕТСКОЙ ЗЕМЛЕ

Из фотографий немецких солдат. Калининский фронт, 1942

Собрание Е. М. Ржевской, Москва

«Противник, усилив Ржевскую группировку мотобатальонами полка СС „Великая Германия“, частями 5 тд и 110 пд, стремится выбить части армии из северо-восточной части города» (Боевое донесение).

«А травы густые и косить ни к чаму».

«Волга в полосе нашей армии имеет четыре правых притока: р. Сишка, р. Дунка, р. Ракитня и р. Большая Лоча...

Река Сишка берет свое начало в заболоченном массиве возле станции Оленино и пересекает на своем пути восточный склон Среднерусской возвышенности... Большая извилистость русла и долины и наличие крутых, сильно рассеченных коренных склонов...»

Что-то исконное, умиротворяющее. Даже непохоже, что это — военный документ, составленный нашими топографами.

«10 ноября, в 2 часа дня моя дочь, семи лет, прибегла с улицы: „Мама, повели папу и много дяденек“. Я выбежала и увидела, что ведут человек десять, среди них мой муж, Сарафанников, гармонист Дроздов, Медоусов, Пегасов (раньше работал директором трансторгпита), Рощин, а других не знаю.

Когда я подошла, муж крикнул: „Вернись! Не ходи, куда нас ведут. Это для тебя будет очень тяжело навечно“. Дроздов тоже просил меня вернуться, но я бежала до самого моста под Гореловкой. Немцы пять человек оставили на этой Красноармейской стороне и пять человек отвели через мост на Советскую сторону. Поставили на берегу около моста лицами друг к другу и стали фотографировать. Мой муж крикнул: „Люби партию, как любила меня!“. Медоусов снял шапку, бросил на землю и крикнул: „Советский Союз непобедим!“. Немцы на каждого набрасывались по несколько человек и стреляли в голову из левольверов. После расстрела поставили доску с надписью: „Злостно караются поджигатели немецким правительством“. Это было написано крупными буквами. Еще было написано мелкими буквами, то я не прочитала...

После этого ко мне приходил Вавилов (до войны работал экспедитором на пекарне), который при немцах назывался господином Лапиным и работал в немецкой управе, и приказал мне выехать из Ржева в двухдневный срок. Я ходила к нему в управу. Я спросила у него: „Товарищ Вавилов, зачем так жестоко предали моего мужа?“ Он ответил: „Я на сегодняшний день господин Лапин“. Я спросила: „Господин Лапин, за что предали так жестоко моего мужа?“ Он ответил: „У ваших коммунистов ноги короткие, а у наших офицеров длинные. Наши офицеры их догоняют“.

После этого я не сдержалась, сказала, что, может быть, и у вас в скорости будут короткие ноги. Он вскочил со стула и предложил очистить кабинет.

После этого уехали со своей семьей из Ржева сюда, в деревню Горенки. (Со слов Ореховой Т. И.)

Когда уходят на задание, прощаются кратко: «До свиданья». И пошел. Никаких громких слов. Может, хочется что-то добавить, но слова вроде не к месту. Не получается. Сегодня я иду, завтра, будет надо — ты. С этой уверенностью молчажимают на прощанье руку.

Трофейная лошадь. Не понимает по-нашему. Боец спешил, дергает уздечку. Кричит:

— Цурюк! (Назад!)

Старуха разогнулась от гряды, приложив руку к глазам козырьком, в упор рассматривала нас, не шелохнувшись. Моя провожатая ушла, погромыхая ведрами. Старуха указала темным пальцем ей вслед.

— Тюрина — выжига. Она по 20 рублей клубнику носила в город. И опять понесет, вот увидишь, дай только война кончится.

Где-то совсем близко на краю деревни разорвался снаряд. Старуха покачала головой.

— Он уже не такой буйный, окорачиваться вроде стал. А вот опять, гляди.

Она перешагнула через жердину и позвала меня в дом, не спрашивая, кто я и зачем явилась. Это был запустелый, закопченный дом, с осевшим полом и скособочившимися окнами; здесь держался начальничий запах одеколона, папирос и новых ремней. На лавке спал боец, нахлобучив на лицо пилотку.

— А ребятишки ваши где же?

— Их прохлыстать как следует надобно. Поняла? Гоняют без толку...

Со страшным воем пронесся у нас над крышей снаряд. Старуха либо недослышивала, либо под охраной своих закопченных стен чувствовала себя в безопасности. Боец продолжал спать.

В избу бесшумно проникли двое — мальчик и девочка, лет шести и восьми, два босых тощих галчонка. Должно быть, обстрел загнал их домой, и теперь они жались к печке. Они понуро слушали, как опять взвыл снаряд, и девочка, старшая из них, чесала одной босой ногой другую.

Немцы называют Ржев — «неприступная линия фюрера», плацдарм для нового наступления на Москву.

Разведчик П. в накинутаой на плечи плащ-палатке, разрисованной желтыми полосами для маскировки, попыхивал цигаркой, привалясь к козырьку дома. Он поджидал Т—ву, чтобы провести ее через передний край до нейтральной полосы.

Гулко лают собаки — истребители танков. Взлетают ракеты у немцев. На секунду из темноты выхвачена колокольня, сверкнул крест на той стороне, во Ржеве. Приглушенные голоса. Медленно тянется ночь перед наступлением.

«...К 6.20 части дивизии заняли исходное положение для наступления.

Сводный отряд в 6.20 перешел в наступление в направлении леса южнее Ножкино и в 7.30 овладел траншеями на переднем крае обороны противника, на участке леса южнее Ножкино. Наступление продолжается...»